

ДОМ КАК ОБЪЕКТ ИМЕНОВАНИЯ В ТУРЕЦКОМ ГОРОДСКОМ ОНОМАСТИКОНЕ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОЙКОДОМОНИМОВ СТАМБУЛА

В статье анализируются структурно-семантические особенности турецких ойкодомонимов — названий домов. Условия закрепления за зданием индивидуального названия, сферы его употребления, функциональная нагрузка рассматриваются в сравнении с соответствующими русскими обозначениями. Описывается апеллятивно-онимический комплекс, в составе которого функционируют турецкие ойкодомонимы. На тип именуемого объекта указывает номенклатурный элемент *apartman* — заимствование из французского, которое в современном турецком языке используется для называния домов, предназначенных для сдачи жилья внаем. Согласно законам турецкой грамматики, апеллятив стоит в постпозиции по отношению к ониму и является согласуемым компонентом. Оним, выполняя выделительно-идентифицирующую функцию, конкретизирует объект номинации. Онимический компонент образуется в результате процессов онимизации апеллятива или трансонимизации, когда ойкодомоним восходит к другому ониму — антропониму, пелагониму, может быть как одночленным, так и многочленным, обнаруживая структуру разной степени сложности. По материалам исследования выявляются и описываются типичные модели именования жилых зданий: посессивные ойкодомонимы, ойкодомонимы — вербализаторы концептуального поля «дом», координатные ойкодомонимы как результат метонимического переноса, ойкодомонимы-«панегирики» с двойным номенклатурным элементом, коммуникативные ойкодомонимы-приветствия. Культурно-историческая составляющая турецкой ойкодомонимии представлена редкими, но возможными мемориальными названиями, данными в честь того или иного памятного события. Не являются

доминирующим типом, но также присутствуют в ономастиконе города ассоциативные ойкодомонимы, обусловленные внешним видом здания. Отмечается влияние экстралингвистических факторов: в названиях домов отражены культурно-исторические традиции народа, особенности природного ландшафта города, полиэтничный состав населения мегаполиса. Объемность данного разряда турецких онимов, разнообразие семантических моделей, многочисленная, непрерывно пополняемая группа лексики и сфера самостоятельного функционирования выделяют турецкие ойкодомонимы в микросистему, занимающую прочное положение в городском топонимиконе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: ономастика, топонимическое пространство города, ойкодомоним, апеллятивно-онимический комплекс, семантическая модель, турецкая лингвокультура, турецкий язык.

1. Введение

Своеобразие языкового быта Стамбула определяет нетипичная для урбанистики большинства современных городов группа наименований — названия домов.

Номинация отдельных строений является характерной особенностью средневекового города. Отмечая культовые сооружения, торговые учреждения, резиденции правителей и особняки знати, имена зданий свидетельствовали о большей важности этих построек по сравнению с улицами, которые становятся определяющим элементом организации внутригородского пространства только в более поздний период формирования города. Обособление улиц как средоточия городской активности — основы людских и транспортных потоков, в метафорическом переосмыслении — артерий, магистралей, каналов города [Булыгина, Трипольская, 2015, 82] — приводит к появлению адресной системы, так или иначе основанной на перечислении объектов, расположенных «вдоль улицы». Пронумерованные и получившие типовую «прописку» здания постепенно утрачивают автономность и теряют свои уникальные названия, меняя облик города, приобретающего отныне все более стандартизованный профиль.

В Стамбуле к концу XIX в., прошедшего под знаком османской европеизации, улицы, их названия и нумерация домов уже присутствуют [Çelik, 1993, 36–40]. Однако иностранцы не всегда находят существующую адресную систему удовлетворительной. Этот факт, например, становится поводом для литературной рефлексии в произведениях русских писателей, оказавшихся во время «первой волны» эмиграции в Константинополе.

А. Т. Аверченко в «Записках простодушного. Я в Европе» со свойственным ему юмором рассуждает о том, почему самый простой во всяком другом городе вопрос «Где вы живете?» оказывается в Константинополе одним из труднейших, неразрешимых без карандаша и бумажки:

Если в Константинополе вам известна улица и номер дома, то это только половина дела. Другая половина — найти номер дома. Это трудно. Потому что седьмой номер помещается между 29-м и 14-м, а 15-й скромно заткнулся между 127-б и 19-а.

Вероятно, это происходит потому, что туркам наши арабские цифры неизвестны. Дело происходило так: решив перенумеровать дома по-арабски, муниципалитет наделал несколько тысяч дощечек с разными цифрами и свалил их в кучу на главной площади. А потом каждый домовладелец подходил и выбирал тот номер, закорючки и загогулины которого приходились ему более по душе [Аверченко, 1923].

Вероятно, адрес по иностранному образцу, на чужеземный лад не казался достаточно надежным и самому турецкому горожанину, всегда с осторожностью относившемуся к европейским инициативам своих султанов-реформаторов, а потому сохранившему и старую традицию — давать домам имена. С принятием правительством К. Ататюрка 21 июня 1934 г. закона о фамилиях, в соответствии с которым каждый до этих пор обходившийся только именем турок обязан был обзавестись и фамилией [Türköz, 2018], именование домовладений получает новый импульс и начинает носить массовый характер.

Орхан Памук — летописец турецкой городской культуры, который пытается в своих романах запечатлеть исчезающий в результате естественного обветшания и под напором европеизации облик старого Стамбула — «города воспоминаний», — следующим образом описывает этот исторический процесс:

После того как в 1934 году Ататюрк ввел для всех турок обязательно, помимо имени, указывать и фамилии, в Стамбуле множество вновь построенных домов стали называться по фамилиям владевших ими семейств. Это оказалось весьма уместным, так как во времена Османской империи ни названий улиц, ни нумерации зданий в Стамбуле не существовало, и знаменитые рода отождествлялись у людей с особняками, где они жили все вместе. Кроме того, появилась мода нарекать семейные гнезда по величайшим нравственным ценностям. Правда, мама говорила, что те, кто называл построенные ими особняки «Свободой», «Милостью» или «Добродетелью», в жизни ничем таким не отличались [Памук, 2017].

В современном Стамбуле сосуществуют обе адресные традиции: для официальных нужд в масштабе всего мегаполиса используется принцип нумерации домов по европейскому (изначально французскому) образцу, когда четные номера следуют друг за другом по одной стороне улицы, а нечетные — по противоположной, но в то же время в пределах квартала здание легко можно найти и по его названию.

Целью статьи является выявление и описание семантических моделей именовании зданий в турецкой лингвокультуре. В связи с неразработанностью данной темы в турецкой топонимике исследование проводится в контексте работ российских ученых-ономастологов, с привлечением терминологической базы российской ономастики. Автором используются традиционные при изучении этой группы онимов методы — описательный и статистический.

Материал для статьи (356 названий домов) собран полевым методом в пределах одного из кварталов Стамбула. Пристальное внимание к ономастикону

микрорайона как репрезентативной части общего ономастического ландшафта продиктовано особым значением квартала в пространстве турецкого города.

В османский период квартал функционировал в городской структуре по принципу самодостаточного микроорганизма [Bayartan, 2005, 93–107]. Основой жилых кварталов служили религиозно-благотворительные комплексы, получившие название *külliye* (кюллие) — от арабского слова *küllî* ‘все’, так как в их ведении находилась забота об удовлетворении всех повседневных нужд жителей — от молитвенных до потребностей в питьевой воде, жилье, питании, лечении, образовании, торговле, передвижении, отдыхе, точном времени и т. д. Жизнеспособность благотворительных социальных служб обеспечивалась за счет средств основателя кюллие — султана, членов монаршей семьи, высокопоставленных чиновников, стремившихся увековечить память о себе посредством исправной и продолжительной работы комплекса. Вновь построенные кюллие обрастали жилыми кварталами, расширявшими пределы города. В Стамбуле, где уже существовала плотная городская застройка, «османские комплексы “вживлялись” в сложившийся организм византийского города», «перекраивая» византийскую планировку на османский лад [Кононенко, 2014, 76]. Деление на кварталы и поныне не утратило своей актуальности: геометрия городской застройки Стамбула сохраняет черты квартальной организации, собственная, наследующая традиции исламской благотворительности инфраструктура обеспечивает жизнедеятельность микрорайона, официальный адрес содержит обязательную привязку к *mahalle* — кварталу, название которого по-прежнему напоминает об учредителе кюллие.

Для сбора языкового материала был выбран квартал Хасеки Султан исторического района Фатих. Квартал не забыл свое византийское прошлое [Müller-Wiener, 2001, 250, 419], о чем говорят остовы древних сооружений, послужившие современным зодчим в качестве опор для нынешних жилых зданий. Планировка улиц и расположение домов сохраняют главный османский ориентир — кюллие, возведенное по заказу Хюррем-султан (более известной как Роксолана). Особое место, которое любимая жена султана Сулеймана занимала в придворной иерархии, было отмечено специально для нее введенным титулом *хасеки* и исключительным правом на «архитектурный патронаж» в столице. Амбиции влиятельной заказчицы, привлекшей к строительству лучшего придворного архитектора Синана, позволили создать в центральной части города третий по величине и значимости после архитектурных ансамблей Сулеймание и Фатих комплекс [Kuran, 1974, 57–86]. Кюллие Хасеки Хюррем дало название кварталу: «В османских городах структурирующая функция комплексов закрепляется в названиях окружающих их районов, увековечивая в урбонимах и ойконимах имена и прозвища учредителей» [Кононенко, 2016, 134]. Сегодня квартал Хасеки Султан лежит в стороне от популярных туристических маршрутов и средоточия отелей. Не относится он и к элитным,

рассчитанным на привыкших жить в собственных особняках стамбульских богачей. Микрорайон жилой застройки периода 1950–1970-х гг., с аутентичной атмосферой типично турецкого спального района и демократичными шестиэтажками является перспективной площадкой для намеченного полевого исследования, представляя обширный и разнообразный ономастический материал, способный продемонстрировать как историческую рефлексию, так и современные тенденции в именовании зданий.

2. Ойкодомоним: статус, объем, структура

В ономастике за названием зданий традиционно закреплён термин *ойкодомоним*. Под *ойкодомонимом* понимается имя собственное объекта строительства — здания, сооружения, способное выполнять адресную функцию. Термин получил официальную прописку в ономастической терминологии благодаря появлению во втором издании специализированного словаря Н. В. Подольской [1988, 88–89], в работах современных ученых [Мадиева, Супрун, 2017, 117–118; Разумов, 2018, 212] его лингвистическая трактовка приобрела однозначность и точность формулировок.

Употребление термина *ойкодомоним* в российской ономастике обладает своей спецификой. Круг названий, которые принято рассматривать в качестве данного вида урбанонимов, ориентирован на реалии отечественной действительности и всегда был в определенной степени ограничен. В течение длительного времени исследователями и вовсе отмечалось «периферийное положение» ойкодомонимов в российском ономастиконе в силу незаинтересованности ученых в анализе и описании единиц, составляющих незначительную часть российской микротопонимии, так как «в России, в отличие от западноевропейских стран, не сложилась традиция присваивать зданиям индивидуальные названия» [Разумов, 2018, 206]. Попадание ойкодомонимов в фокус ономастических изысканий последних лет обусловлено появлением новой объемной группы — названий жилых комплексов. Их активное изучение позволило российским ономатологам оперативно перейти от этапа «каталогизации» названий к новым ракурсам научного осмысления — рассмотрению ойкодомонимов как маркеров ментального пространства города [Разумов, Горяев, 2019].

В турецкой ономастике, и в частности в топонимике, терминологическое многообразие начинает складываться относительно недавно. Попытка ввести в научный обиход турецких ономатологов видовые дефиниции, а также скоординировать национальную терминологическую модель с категориальным компонентом *ad* 'имя' (*yer / şehir / sokak adı*, букв. «имя места / города / улицы») с общепринятой моделью на *-оним* предпринята в работе С. Явуза и М. Шенеля [Yavuz, Şenel, 2013]. Публикуя материалы для «Словаря топонимических терминов», авторы представляют и термин *ойкодомоним*, который предлагается своему

научному сообществу в двух вариантах: собственно турецком *bina adı* ‘имя здания’ и интернациональном *oikodomonim* [Yavuz, Şenel, 2013, 2249].

Турецкие ойкодомонимы на сегодняшний день практически не исследованы. Встречаются лишь отдельные работы, в которых ойкодомонимический материал привлекается в качестве вспомогательного, не становясь объектом самостоятельного изучения. В числе подобных работ может быть названо междисциплинарное исследование, посвященное небоскрегам Стамбула. Стамбульские высотки рассматриваются в нем в двух аспектах — в связи с их ролью в пространственной композиции города и ролью в формировании его языковой среды. Оба сопряжены с критикой в адрес процессов глобализации: появление выстроенных по западному образцу высотных доминант искажает исторический силуэт города, превалирование иноязычных элементов в их названиях засоряет исконный лингвистический ландшафт, лишая его своей уникальности [Uğur, Aliağaoğlu, 2018].

В то же время в турецком городском ономастиконе группа ойкодомонимов представлена очень широко, один только «жилищный фонд» обнаруживает неисчерпаемый языковой материал. Индивидуальное название имеют жилые строения разного типа и назначения, как возведенные в османском стиле, так и построенные по европейскому образцу: *saray* ‘дворец’, *kasır* ‘загородный дом дворцового типа, рассчитанный на однодневный отдых’, *köşk* ‘деревянный павильон для охоты, уединенного отдыха’, *konak* ‘особняк, благоустроенное здание для одной семьи’, *yalı* ‘дом с видом на Босфор и собственным причалом для лодок’, *yazlık (ev)* ‘дача, летний домик’, *köy evi* ‘домик в деревне’, *dağ evi* ‘домик в горах’, *villa* ‘вилла, благоустроенный загородный дом с садом или парком’, *müstakil ev* ‘коттедж, дом с участком земли’, *apartman* ‘многоквартирный дом’, *site* ‘жилой комплекс’, букв. «городок», *residence* ‘жилой комплекс повышенной комфортности’.

В центре внимания автора данной статьи — структурно-семантический анализ определенной группы турецких ойкодомонимов — названий многоквартирных домов. Для квалификации описываемых единиц используется общепринятый термин *ойкодомоним*.

Основной формой существования внутригородских наименований в любом языке служит апеллятивно-онимический комплекс, что является «проявлением топонимической универсалии, заключающейся в обязательной связи онима с денотатом именуемого объекта» [Широков, 2002, 15]. Таким образом, в структурном плане апеллятивно-онимический комплекс представляет собой номенклатурный элемент, указывающий на тип именуемого объекта, и индивидуализатор, роль которого выполняет оним. В качестве номенклатурного элемента рассматриваемые номинации включают слово *apartman* (далее *Apt.*) — заимствование из французского языка, которое в современном турецком языке используется для обозначения многоэтажных многоквартирных домов, предназначенных также и для сдачи жилья внаем. Согласно законам турецкой грамматики, апеллятив находится

в постпозиции по отношению к ониму и является согласуемым компонентом. Оним, выполняя свою основную функцию «именовать, выделять и различать однотипные объекты» [Суперанская, 2009], фокусирует внимание на конкретном доме. Онимический компонент образуется в результате процессов онимизации апеллятива или трансонимизации, когда ойкодомоним восходит к другому ониму — антропониму, пелагониму и др., может быть как одночленным, так и многочленным, обнаруживая структуру разной степени сложности.

3. Традиции именования зданий в русской и турецкой лингвокультурах

Между русскими и турецкими ойкодомонимами наблюдаются существенные отличия в механизмах именования — условиях закрепления за зданием особого названия, сферах его употребления, функциональной нагрузке.

В русской лингвокультуре в течение длительного времени индивидуальные названия имели только здания «чем-либо интересные в архитектурном отношении, имеющие статус памятника истории и архитектуры» [Разумов, 2018, 209–210]. Эти названия употреблялись в основном в книжной сфере — текстах путеводителей, исследованиях по архитектуре, искусству, истории. В подобных изданиях было «принято указывать не только имя архитектора, но и первоначальное наименование здания, которое обычно содержало указание на владельца сооружения, функциональное назначение постройки или ее местоположение» [Там же, 210]. Функция, выполняемая русскими ойкодомонимами, долгое время оставалась преимущественно мемориальной. С коммерциализацией строительства жилой недвижимости в России после 1990-х гг. исследователями отмечается «зарождение моды на “именные дома”», поскольку «строительство “неанонимного” дома существенно выделяет его на фоне массовой застройки» [Разумов, Горяев, 2018, 81], делает его более привлекательным для потенциального покупателя. Так как основная цель именования «новостроя» заключается «не столько в аргументированном обозначении объекта, сколько в необходимости его продать» [Дьякова, 2016, 70–71], группу новых коммерческих (по определению Р. И. Разумова, С. О. Горяева) ойкодомонимов отличает ярко выраженная рекламная направленность [Разумов, Горяев, 2019, 97].

В турецком городе как памятники зодчества, так и здания, не отличающиеся архитектурной выразительностью и индивидуальностью — жилая застройка исторических кварталов, новостройки современных спальных районов, — демонстрируют устойчивую практику именования. И это не просто дань традиции. Имена домов являются важной и неотъемлемой частью социокультурной жизни горожан, активно используются для нужд повседневного общения людьми, живущими подобием соседской общины в пределах одной небольшой территории — квартала. В качестве удобного дополнительного ориентира

во внутригородском пространстве ойкодомонимы выполняют идентифицирующую и адресную функции.

Если в российских условиях практически не существует традиции помещать название на самом здании [Разумов, Горяев, 2018, 81–82], то в Турции надписи с именами домов издавна используются как особый элемент внешней отделки. Пространственное восприятие любого текста имеет для турка большое значение. Это связано со свойственной восточной культуре традицией «декоративного использования фразы, слова, буквы», в истоке которой лежит принцип орнамента, основанного на разворачивании стиха Корана, цитаты из Пророка [Бродский, 1985]. Красочно-нарядные, демонстрирующие разнообразие цветовых и стилистических решений надписи не только именуют, но и украшают, это еще один (наряду с другими деталями внешнего декора входной двери, крыльца, подъезда) визуальный акцент, индивидуализирующий облик здания. Традиционным местом для размещения названия служит фрамуга входной двери. В случае декоративной перегруженности (например, оформление фрамуги в виде витража), название выносится за рамки дверного блока, располагается над или рядом с дверью. Профессии, связанные с придумыванием имен домам и выполнением надписей, относятся к востребованным, представляют хорошо налаженный и прибыльный бизнес.

Рис. 1. Uğur Apartmanı

Рис. 2. Bahar Apartmanı

Рис. 3. Harput Apartmanı

Puc. 4. Demaş Apartmanı

Puc. 5. Kardeşler Apartmanı

Puc. 6. Babaevi Apartmanı

Puc. 7. Hacı Bayram Zade Apartmanı

Puc. 8. Gömeç Palas Apartmanı

Puc. 9. Cerrahpaşa Saray Apartmanı

4. Семантические модели в турецкой ойкодомонимии

Анализ собранного языкового материала позволяет говорить о типичных семантических моделях, представленных в ономастическом пространстве Стамбула. Под семантической моделью понимается «устойчивый смысловой инвариант, вариативно реализующийся в ряде конкретных названий» [Березович, 2009, 43].

4.1. Посессивные ойкодомонимы и особенности их персонификации

Большая часть жилых зданий в Турции находится в частном владении. Обычай давать своим домам имена в определенной степени связан со стремлением домовладельца еще и таким, имеющим давнюю традицию способом упрочить свои права, «подписать» дом. Поэтому активность антропонимов, указывающих на хозяина дома прямо (с помощью фамилии) или косвенно (при помощи имени), в качестве посессивной (притяжательной) основы названия дома особенно высока. В то же время во многих случаях без специального опроса местных жителей установить вид используемого антропонима не представляется возможным. Это обусловлено спецификой турецкого именника, в значительной степени сформировавшегося под влиянием закона о фамилиях 1934 г. и имеющего ряд фамилий отапеллятивного происхождения, причем одно и то же слово может выступать в любой роли — мужского имени, женского, а также оказаться фамилией. Так, например, *Ünal Apt.* (от *ünal* ‘слава + бери’, букв. «Прославься, Берислав») может означать (с известной долей условности буквального перевода имени) и «Дом Берислава», и «Дом Бериславы», и «Дом Бериславина», и «Дом Бериславиной».

Высокий процент (183 примера, 51 %) составляет использование в названиях домов онимов, которые интерпретируются в первую очередь как личные имена и имеют соответствующую фиксацию в официальных источниках [TKAS; NST]. Женские и мужские имена, которые содержат семантический гендерный маркер, а также имена «унисекс» представлены в номинациях в числовом соотношении: 1 : 1,5 : 2:

– женские имена: *Bahar Apt.*, ср. *bahar* ‘весна’, *Gül Apt.*, ср. *gül* ‘роза’, *İpek Apt.*, ср. *ipek* ‘шелк’, *Yıldız Apt.*, ср. *yıldız* ‘звезда’, *Dilek Apt.*, ср. *dilek* ‘желанная’, *İrem Apt.*, ср. *irem* ‘Эдем’, *Güler Apt.*, ср. *güler* ‘улыбающаяся»;

– мужские имена: *Cengiz Apt.* < *Cengiz* ‘Чингисхан’, *Yiğit Apt.*, ср. *yiğit* ‘джигит’, *Çelik Apt.*, ср. *çelik* ‘сталь’, *Kartal Apt.*, ср. *kartal* ‘орел’, *Mert Apt.*, ср. *mert* ‘отважный’, *Çevik Apt.*, ср. *çevik* ‘ловкий’, *Orhan Apt.*, ср. *orhan* ‘судья’, *Mucit Apt.*, ср. *mucit* ‘изобретатель»;

– универсальные имена: *Güneş Apt.*, ср. *güneş* ‘солнце’, *Güney Apt.*, ср. *güney* ‘юг’, *Gün Apt.*, ср. *gün* ‘день’, *Eylül Apt.*, ср. *eylül* ‘сентябрь’, *Şafak Apt.*, ср. *şafak* ‘заря’, *Zafer Apt.*, ср. *zafer* ‘победа’, *Eser Apt.*, ср. *eser* ‘творение’, *Inan Apt.*, ср. *inan* ‘вера’, *Kudret Apt.*, ср. *kudret* ‘могущество’, *Can Apt.*, ср. *can* ‘душа’, *Canan Apt.*, ср. *canan* ‘любимый (-ая)’, *Yüksel Apt.*, ср. *yüksel* ‘идуший (-ая) к вершине».

Персонифицированность подобных названий условна, они «практически анонимны, настолько неконкретно даваемое ими указание на владельца» [Долганова, 2006, 25]. Семантика апеллятива ощутимо выступает в турецком антропониме на первый план, превращая такой ойкодомоним в условно-символическое наименование декоративного типа.

Значительно реже (62 примера, 17 %) в названиях домов используются онимы, которые прочитываются как фамилии в силу особых формальных признаков. Данный тип ойкодомонимов отличают большие конкретность и информативность, так как подобные фамилии способны не только со всей возможной определенностью указать на владельца здания, но и многое рассказать о нем самом и его семье. К маркерам фамильных онимов в названиях домов принадлежат [Aksu, 2005]:

— уцелевший в турецком языке элемент *-oğlu* от *oğul* ‘сын’ архаичной формулы «сын своего отца»: *Bayoğlu Apt.* < *Bayoğlu* букв. «Сын господина», *Aliustaoğlu Apt.* < *Aliustaoğlu* «Сын мастера Али», *Kasapoğlu Apt.* < *Kasapoğlu* «Сын мясника», *Aşçioğlu Apt.* < *Aşçioğlu* «Сын повара», *Köyliüoğlu Apt.* < *Köyliüoğlu* «Сын крестьянина»;

— оттопонимные основы с характерным аффиксом *-li/-li*: *Kefeli Apt.* < *Kefeli* букв. «Выходец из Кафы (Феодосии)», *Tunalı Apt.* < *Tunalı* «Выходец с Дуная», а также производный тип на основе османских астионимов: *Harput Apt.*, *Levent Apt.*, *Keban Apt.* [Sezen, 2017, 332, 444, 512] или этнонимов: *Oğuz Apt.*, ср. *oğuz* ‘огуз’, *Selçuk Apt.*, ср. *selçuk* ‘сельджук’, *Uygur Apt.*, ср. *uygur* ‘уйгур’;

— показатель множественного числа *-lar/-ler* со значением ‘все члены одной семьи’: *Küçükler Apt.*, ср. *küçük* ‘маленький’ + *ler* (по-русски название дома звучало бы как «Дом Маликовых»), *Aydınlar Apt.*, ср. *aydın* ‘светлый’ + *lar* (букв. «Дом Светловых»);

— сложные основы, аффиксы *-maz*, *-mı*: *Eryılmaz Apt.* < *Eryılmaz* букв. «Боец, который ни перед чем не останавливается», *Aldırmazlar Apt.* < *Aldırmazlar* «Семейство тех, кого не застанешь врасплох», *Korkmaz Apt.* < *Korkmaz* «Бесстрашный», *Tanınmış Apt.* < *Tanınmış* «Знаменитый, знатный», *Tanrıverdi Apt.* < *Tanrıverdi* «Данный Богом»;

— популярная в период послереволюционного имятворчества основа *-türk* (по аналогии с фамилией лидера нации *Atatürk*): *Bentürk Apt.* < *Bentürk* букв. «Я — турок», *Şentürk Apt.* < *Şentürk* «Веселый турок», а также отапеллятивные фамилии, отразившие новый образ жизни, достижения в науке и технике, успехи культурной революции: *Emniyet Apt.*, ср. *emniyet* ‘безопасность’, *Füze Apt.*, ср. *füze* ‘ракета’, *Kültür Apt.*, ср. *kültür* ‘культура’. Знаковая для 1930-х гг. фамилия *Kültür* и сегодня остается широко распространенной у турок, живущих как в Турции, так и за ее пределами [Kreiser, 2011, 508];

— модель «этноцентрического самоименования» с элементом *öz* ‘сам’ [Rübekeil, 2004, 758]: *Özdemir Apt.* < *Özdemir* букв. «Действительно железный»,

Özgüç Apt. < *Özgüç* «Действительно сильный», *Özkan Apt.* < *Özkan* «Чистокровный», *Özer Apt.* < *Özer* «Настоящий мужчина», *Öztürk Apt.*, *Türköz Apt.* < *Öztürk*, *Türköz* «Настоящий турок».

Если стандартная бинарная формула «оним + *Apartman*» оценивается как недостаточная для установления личности домовладельца, то употребляются дополнительные распространители в виде уточнений — личного имени, обращения, принятого в отношении состоятельного и влиятельного человека (*bey* ‘господин’, *hanım* ‘госпожа’), термина родства, указывающего на потомственное (*soy* ‘род, семья’) или совместное (*kardeşler* ‘братья’) владение данной недвижимостью, профессии (*Dr.* ‘доктор’), почетного титула мусульманина, совершившего хадж — паломничество в Мекку (*hacı* ‘паломник’): *Mustafa İpekoğlu Apt.* букв. «Дом Мустафы Ипекоглу», *Mehmet Bey Apt.* «Дом господина Мехмета», *Nadide Hanım Apt.* «Дом госпожи Наиде», *Yakut Soy Apt.* «Дом, принадлежащий роду Якут», *Yılmaz Kardeşler Apt.* «Дом братьев Йылмаз», *Dr. Hilmi Bey Apt.* «Дом доктора господина Хильми», *Dr. Sabahattin Altunay Apt.* «Дом доктора Сабахаттина Алтуная», *Hacı Bayram Zade Apt.* «Дом паломника Байрама Заде».

Самостоятельную группу ойкодомонимов данного типа (12 примеров, 3 %) составляют наименования, в которых посессивность выражена иным способом — посредством притяжательных местоимений, аффиксов принадлежности и описательных конструкций: *Bizim Apt.* букв. «Наш дом», *Yuvam Apt.* «Мое гнездо», *Koşem Apt.* «Мой уголок», *Babaevi Apt.* «Дом отца», *Babaanne Apt.* «Дом мамы отца». Подобные названия часто отличает поэтико-эмоциональный заряд и использование универсальных метафор: «дом — уголок, гнездышко».

4.2. Ойкодомонимы — вербализаторы концептуального поля «дом»

Особую статистическую плотность (53 примера, 14 %) обнаруживает группа названий, онимический компонент которых отражает в своей производящей семантике оценочные для понятия «дом» значения.

Понятие «дом» в концептологии относят к универсальным духовным феноменам человечества, настолько абстрактным, что их «можно ощутить весьма отчетливо (вплоть до восприятия кожей всежизненного императива “Имей дом!”), но все же только ощутить, а не сформулировать» [Верещагин, Костомаров, 2005, 921]. Вербальным итогом воплощения общечеловеческого смысла «Дом — (это) благо!» в словесно-знаковой форме турецкого ойкодомонима становятся названия: *Hayat Apt.*, ср. *hayat* ‘жизнь’, *Uğur Apt.*, ср. *uğur* ‘благо, удача’, *Servet Apt.*, ср. *servet* ‘богатство, сокровище’, *Mutlu Apt.*, ср. *mutlu* ‘счастливый, благополучный’, *Huzur Apt.*, ср. *huzur* ‘покой, благосостояние, блаженство’, *Barış Apt.*, ср. *barış* ‘мир, согласие’, *Güven Apt.*, ср. *güven* ‘защищенность’, *Kismet Apt.*, ср. *kismet* ‘судьба’, *Ferah Apt.*, ср. *ferah* ‘просторный’, *Sağlam Apt.*, ср. *sağlam* ‘прочный,

надежный'. В фокусе номинативных предпочтений (шесть примеров в пределах одного квартала) оказывается название *Hayat Apt.*, непосредственно выражающее идею жизни, что закономерно, ведь «дом — условие жизни <...> проживать где-либо — это и значит жить» [Верещагин, Костомаров, 2005, 901].

4.3. Координатные ойкодомонимы как результат метонимического переноса

Координатные ойкодомонимы (16 примеров, 4 %) содержат информацию о местонахождении здания. Для именования используются метонимические модели по смежности с доминирующим объектом географического или внутригородского пространства. Особенности топографии квартала легко прочитываются в названиях: *Haseki Apt.* находится недалеко от кюллии Хасеки Хюррем, *Cevdet Paşa Apt.* повторяет название своей улицы Джевдет Паша, *Cerrahpaşa Apt.* располагается в непосредственной близости от мечети Джерахпаша, *Meşdan Apt.* выходит на майдан — центральную площадь квартала, *Kuyu Apt.* (от *kuyu* 'колодец') расположен рядом с источником питьевой воды, *Kimyon Apt.* (от *kimyon* 'тмин') стоит на одноименной улице, где во время пятничных рынков из года в год ведется торговля пряностями и специями.

Природный ландшафт Стамбула, раскинувшегося на берегах Мраморного и Черного морей, диктует активное присутствие морской темы в ойкодомонимах, образованных в том числе и в результате топонимической метонимии: *Deniz Apt.* < *deniz* 'море', *Meltem Apt.* < *meltem* 'бриз', *Karadeniz Apt.* < *Karadeniz* 'Черное море', *Marmara Apt.* < *Marmara* 'Мраморное море', *Ege Apt.* < *Ege* 'Эгейское море'. Средиземное море, находящееся от города в отдалении, в номинациях не представлено.

4.4. Ойкодомонимы-«панегирики» с двойным номенклатурным элементом

Ойкодомонимы данного типа (21 пример, 5 %) основаны на субъективной оценке автором названия статуса здания — при этом оказывается, что она намного выше, чем установленная общим номенклатурным элементом *apartman*, т. е. это не просто дом, а «всем домам дом». Чтобы придать жилому объекту большую значимость, бинарная формула именования усложняется за счет введения в онимическую часть дублета, подчеркивающего преимущества данного здания перед всеми прочими: *Altınhisar Apt.* букв. «Дом “Золотой замок”», *Dilek Saray Apt.* «Дом “Особняк желаний”», *Bahar Palas Apt.* «Дом “Весенний дворец”», *Sevinç Palas Apt.* «Дом “Праздничный дворец”», *Zümrüt Palas Apt.* «Дом “Изумрудный дворец”». Дополнительные апеллятивы (перс. *saray* 'особняк, дворец', франц. *palas* 'дворец премиум класса'), а также использование слов с характерной оценочной семантикой (*altın* 'золото', *platin* 'платина', *zümrüt* 'изумруд') призваны создать впечатление об объекте номинации как о большом, просторном, богато декорированном доме, достойном визита правителя.

4.5. Ойкодомонимы-приветствия как вид речевой коммуникации

Малочисленную (3 примера, 0,8 %), но оригинальную группу ойкодомонимов представляют названия на основе императивных приветствий. Подобные именованя аналогичны речевому акту побуждения — приглашения, пожелания, опосредованно (через название) передаваемого от хозяина жильцу, гостю, потенциальному покупателю, арендатору: *Merhaba Apt.* < *Merhaba!* ‘Здравствуй(те)!’ (араб. букв. «Располагайтесь поудобнее!»), *Hoş geldiniz Apt.* < *Hoş geldiniz!* ‘Добро пожаловать!’ (букв. «Хорошо, что пришли!»), *İyi Günler Apt.* < амбивалентная формула *İyi günler!*, которая при входе в дом может быть прочитана как «Добрый день!», а на выходе — как «Хорошего дня!».

Рассмотренные группы ойкодомонимов представляют наиболее типичные названия, не передавая в полной мере всего спектра семантических моделей и тем, реализованных в ономастиконе турецкого города. Так, например, культурно-историческая составляющая турецкой ойкодомонимии представлена редкими, но возможными мемориальными названиями, данными в честь того или иного памятного события. В пределах квартала отмечено одно название подобного типа: *50. Yıl Apt.* букв. «Дом, посвященный 50-летию Турецкой Республики». Не являются доминирующим типом, но также присутствуют (пять примеров) в ономастиконе ассоциативные ойкодомонимы, связанные с внешним видом здания. Облицованные цветной плиткой, ярко выкрашенные дома получают названия *Renk Apt.*, ср. *renk* ‘цвет, цветной’, *Şen Apt.*, ср. *şen* ‘яркий, праздничный’, *Sirin Apt.*, ср. *sirin* ‘красивый’ и т. д.

5. Заключение

В качестве самостоятельной группы собственных имен, связанных с внутригородским пространством, ойкодомонимы представлены и в русском, и в турецком ономастиконе. При структурно-семантическом подобии русских и турецких названий, функционирующих в составе апеллятивно-онимического комплекса и реализующих сходные мотивационные установки, ойкодомонимы демонстрируют лингвокультурные различия в условиях закрепления за зданием индивидуального названия, сферах употребления, функциональной нагрузке.

В турецком ономастиконе имена домов представлены широким рядом моделей означиваня: посессивные ойкодомонимы, ойкодомонимы — вербализаторы концептуального поля «дом», координатные ойкодомонимы как результат метонимического переноса, ойкодомонимы-«панегирики» с двойным апеллятивом, коммуникативные ойкодомонимы-приветствия, мемориальные и ассоциативные названия. Каждый из номинативных типов подвержен влиянию экстралингвистических факторов: в названиях зданий отражаются культурно-исторические

и религиозные традиции Турции, особенности природного ландшафта и этнический состав населения Стамбула.

Объемность данного разряда урбанонимов, многочисленный, непрерывно пополняемый лексический массив, разнообразие мотивационных установок, свой набор семантических моделей и, главное, сфера самостоятельного функционирования выделяют турецкую ойкодонию в отдельную микросистему, живую и жизнеспособную, обнаруживающую потенциал вариативности и обновления.

Как своеобразный элемент языкового быта турецкого города, имена домов наряду с архитектурными памятниками, босфорскими панорамами и культурно-историческим переплетением цивилизаций определяют тот неповторимый колорит, который делает Стамбул для его обитателей и путешественников атмосферным, обладающим «лица необщим выраженьем».

Источники

Аверченко А. Т. Записки простодушного «Я в Европе»: Турция, Чехословакия. Берлин : Север, 1923.

URL: http://dugward.ru/library/averchenko/averchenko_zapiski_prostodushnogo.html.

Бродский И. А. Путешествие в Стамбул. 1985. URL: http://lib.ru/BRODSKIJ/br_istambul.txt.

Памук О. Музей невинности. СПб. : Азбука, 2017. URL: <https://www.litres.ru/orhan-pamuk-2/muzey-nevinnosti-8738822>.

Bayartan M. Osmanlı Şehrinde Bir Idari Birim: Mahalle // *Coğrafya Dergisi*. 2005. № 13. S. 93–107.

Çelik Z. The Remaking of Istanbul — Portrait of an Ottoman City in the Nineteenth Century. Berkeley : Univ. of California Press, 1993.

Kuran A. Haseki Külliyesi // *Boğaziçi Üniversitesi Dergisi. Hümaniter Bilimler*. 1974. Vol. 2. S. 57–86.

Müller-Wiener W. İstanbul'un Tarihsel Topoğrafyası: 17. Yüzyıl başlarına kadar Byzantion — Konstantinopolis — İstanbul. İstanbul : Yapı Kredi Yayınları, 2001.

NST — Name Statistics — Türkiye. URL: <http://www.name-statistics.org/tr/numef.php?numedefamilie>.

Sezen T. Osmanlı Yer Adları. Ankara : Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü, 2017.

Türköz M. Naming and Nation-Building in Turkey: The 1934 Surname Law. New York: Palgrave Macmillan, 2018.

TKAS — Türkçe Kişi Adları Sözlüğü. URL: http://tdk.gov.tr/?option=com_kisiadlari&view=kisiadlari.

Исследования

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек. М. : ЛИБРОКОМ, 2009.

Бульгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Язык городского пространства: словарь, карта, текст. М. : Языки славянской культуры, 2015.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы. М. : Индрик, 2005.

Долганова А. Ю. Процессы трансимизации в эргонимии (на материале названий магазинов Ижевска) // *Вестник Удмуртского университета. Сер. «Филологические науки»*. 2006. № 5 (2). С. 25–30.

Дьякова Н. С. Новые топонимы на карте Вологды // *Вестник Вологодского государственного университета. Сер. «Языкознание»*. 2016. № 2. С. 70–74.

Кононенко Е. И. Фактор исламской благотворительности в турецком градостроении // *Исламоведение*. 2014. № 4. С. 73–79.

- Кононенко Е. И. Роль куллие в планировке раннеосманской Бурсы // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2016. Вып. 6. С. 133–148.
- Мадиева Г. Б., Супрун В. И. Система современной русской урбанонимической терминологии. DOI 10.15826/vopr_onom.2017.14.2.014 // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 2. С. 115–125.
- Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М. : Наука, 1988.
- Разумов Р. В. Ойкодомонимы: место в ономастическом пространстве // Восточноукраинский лингвистический сборник им. Е. С. Отина. 2018. Вып. 1 (16). С. 205–214.
- Разумов Р. В., Горяев С. О. Названия жилых комплексов: между урбанонимами и рекламными именами. DOI 10.24224/2227-1295-2018-9-76-97 // Научный диалог. 2018. № 9. С. 76–97.
- Разумов Р. В., Горяев С. О. Новые ойкодомонимы как отражение ментальной карты города. DOI 10.25513/2413-6182.2019.6(1).93-111 // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 1. С. 93–111.
- Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М. : ЛИБРОКОМ, 2009.
- Широков А. Г. Русская урбанонимия в диахроническом освещении: апеллятивно-онимические комплексы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Волгоград. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2002.
- Aksu İ. The Story of Turkish Surnames: An Onomastic Study of Turkish Family Names, their Origins and Related Matters. Çanakkale : Olay Gazete Press, 2005.
- Kreiser K. Türkische Familiennamen in der Türkei und in Deutschland // Familiennamen im Deutschen: Erforschung und Nachschlagewerke. 2. Halbband : Familiennamen aus fremden Sprachen im deutschen Sprachraum / Hrsg. von K. Hengst, D. Krüger. Leipzig : Leipziger Universitätsverlag GMBH, 2011. S. 503–516.
- Rübekeil L. Stammes- und Völkernamen // Namenarten und ihre Erforschung: Ein Lehrbuch für das Studium der Onomastik / Hrsg. von A. Brendler und S. Brendler. Hamburg : Baar, 2004. S. 743–772.
- Uğur A., Aliğaoğlu A. Şhirsəl Alanda Yok-Yerler: Türkiye’de Gökdelenler // Atatürk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. 2018. № 22. S. 2775–2791.
- Yavuz S., Şenel M. Yer Adları (Toponim) Terimleri Sözlüğü. DOI 10.7827/TurkishStudies.5504 // Turkish Studies — International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. Summer, 2013. Vol. 8/8. P. 2239–2254.

Рукопись поступила в редакцию 20.02.2019

* * *

Климкина Ольга Игоревна
кандидат филологических наук, доцент
Стамбульский университет
Ordu Cad., 6, 34134 İstanbul, Turkey
E-mail: chloja@inbox.ru

Klimkina, Olga Igorevna
PhD, Associate Professor
Istanbul University
6 Ordu Cad., 34134 Istanbul, Turkey
Email: chloja@inbox.ru

Olga I. Klimkina

Istanbul University
Istanbul, Turkey

**THE HOUSE AS AN OBJECT OF NAMING
IN THE TURKISH URBAN ONOMASTICON:
STRUCTURAL AND SEMANTIC ANALYSIS**

The article explores structural and semantic features of names of houses (oikodomonyms) in the Turkish language. The author proceeds from studying individual names' motivations, contexts of their usage, and functional meaning (compared to the corresponding Russian designations) to the description of the general urbanonymic formula of Turkish house names. Typically, the name's affiliation to this class is indicated by the element *apartment* (borrowed from French) which is used in modern Turkish to refer to the buildings intended for rental housing. In Turkish grammar, appellative nouns occur in postposition and agree with the complemented onym that specifies the nominated object. With names of houses, when these derive from other titles — a personal name or a sea name, the onymic component is formed through appellative onymization or transonomization and can consist of one or several elements with a variable degree of complexity. The study identifies typical patterns of house naming: “possessive” names, names verbalizing the concept of ‘home,’ reference names formed by metonymic transfer, “panegyric” names with double nomenclature element, communicative “greeting” names. The cultural and historical context of Turkish oikodomonymy reveals itself in less common yet present “memorial” names commemorating remarkable events. Another peculiar group is “associative” house names conditioned by the appearance of the building. There is a strong influence of extralinguistic factors in the urban onomasticon of Istanbul: the names of houses reflect cultural and historical traditions of the people, features of the city's natural landscape, the multi-ethnic composition of the population of the metropolis. The large scope of this category of onyms, the variety of semantic patterns and the functions it displays, as well as extensive, continuously replenished vocabulary, brings Turkish house names into a separate and well-established microsystem within the Turkish urban toponymicon.

Key words: Turkish language, Turkish culture, onomastics, urban toponymic space, names of houses (oikodomonyms), proprio-appellative lemmas, semantic pattern.

- Aksu, İ. (2005). *The Story of Turkish Surnames: An Onomastic Study of Turkish Family Names, their Origins and Related Matters*. Çanakkale: Olay Gazete Press.
- Berezovich, E. L. (2009). *Russkaia topomimiia v etnolingvističeskom aspekte: Prostranstvo i chelovek* [Russian Toponymy in Ethnolinguistic Aspect: Space and Human]. Moscow: LIBROKOM.
- Bulygina, E. Yu., & Tripolskaia, T. A. (2015). *Iazyk gorodskogo prostranstva: slovar', karta, tekst* [Language of the City Space: Vocabulary, Map, Text]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.
- Dolganova, A. Yu. (2006). Protsessy transonimizatsii v ergonomii (na materiale nazvanii magazinov Izhevskaja) [Transonomization in Ergonomics (on the material of shop names in Izhevsk)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filologičeskie nauki*, 5(2), 25–30.
- Dyakova, N. S. (2016). Novye toponimy na karte Vologdy [New Toponyms on the Map of Vologda]. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Jazykoznanie*, 2, 70–74.
- Kononenko, E. I. (2014). Faktor islamskoi blagotvoritel'nosti v turetskom gradostroenii [The Factor of Islamic Charity in Turkish Urban Planning]. *Islamovedenie*, 4, 73–79.

- Kononenko, E. I. (2016). Rol' kullie v planirovke ranneosmanskoj Bursy [The Function of Kullie in Mapping out Early Ottoman Bursa]. *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury*, 6, 133–148.
- Kreiser, K. (2011). Türkische Familiennamen in der Türkei und in Deutschland. In K. Hengst, & D. Krüger (Eds.), *Familiennamen im Deutschen: Erforschung und Nachschlagewerke. 2. Halbband: Familiennamen aus fremden Sprachen im deutschen Sprachraum* (pp. 503–516). Leipzig: Leipziger Universitätsverlag.
- Madieva, G. B., & Suprun, V. I. (2017). Sistema sovremennoi russkoj urbanonimicheskoi terminologii [The System of Contemporary Russian Urbanonymic Terminology]. *Voprosy onomastiki*, 14(2), 115–125. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.2.014
- Podolskaya, N. V. (1988). *Slovar' russkoj onomasticheskoi terminologii* [The Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow: Nauka.
- Razumov, R. V. (2018). Oikodomonimy: mesto v onomasticheskom prostranstve [Oikodomonyms: the Place in Onomastic Context]. *Vostochnoukrainskii lingvisticheskii sbornik im. E. S. Otina*, 1, 205–214.
- Razumov, R. V., & Goryaev, S. O. (2018). Nazvaniia zhilykh kompleksov: mezhdru urbanonimami i reklamnymi imenami [Names of Residential Complexes: between Urbanonyms and Advertising Names]. *Nauchnyi dialog*, 9, 76–97. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-9-7697>
- Razumov, R. V., & Goryaev, S. O. (2019). Nove oikodomonimy kak otrazhenie mental'noi karty goroda [New Oikodomonyms as a Reflection of the Mental Map of a City]. *Kommunikativnye issledovaniia*, 6(1), 93–111. [https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6\(1\).93-111](https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6(1).93-111)
- Rübekeil, L. (2004). Stammes- und Völkernamen. In A. Brendler, & S. Brendler (Eds.), *Namenarten und ihre Erforschung: Ein Lehrbuch für das Studium der Onomastik* (pp. 743–772). Hamburg: Baar.
- Shirokov, A. G. (2002). Russkaia urbanonimiia v diakhronicheskom osvshhenii: apellativno-onimicheskie kompleksty [Russian Urban in Diachrony: Proprio-Appellative Complexes] (doctoral dissertation). Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd.
- Superanskaya, A. V. (2009). *Obshchaia teoriia imeni sobstvennogo* [A General Theory of Proper Names]. Moscow: LIBROKOM.
- Uğur, A., & Aliğaoglu, A. (2018). Şehirsel Alanda Yok-Yerler: Türkiye'de Gökdelenler [Non-Places in Urban Areas: Skyscrapers in Turkey]. *Atatürk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*, 22, 2775–2791
- Vereshchagin, E. M., & Kostomarov, V. G. (2005). *Jazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie kontseptsii: leksicheskogo fona, rechepovedencheskikh taktik i sapientemy* [Language and Culture. Three Linguistic Concepts: the Lexical Field Theory, the Speech-and-Behaviour Practices and the Sapientheme]. Moscow: Indrik.
- Yavuz, S., & Şenel, M. (2013). Yer Adları (Toponim) Terimleri Sözlüğü [Glossary of Place Names (Toponymy)]. *Turkish Studies — International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic*, 8/8, 2239–2254. <https://doi.org/10.7827/TurkishStudies.5504>

Received on 20 February 2019